Понятие «первенства» в свете православной экклезиологии

***Статья** доцента Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета, кандидата исторических наук священника Павла Ермилова.*

Тема первенства в Церкви давно приковывает к себе повышенное внимание, выйдя далеко за рамки академических дискуссий. У многих людей, знакомых с историей богословия, могут возникать объяснимые недоумения. Как получилось, что понятие, которое на протяжении многих столетий оставалось предметом острой межконфессиональной полемики, вдруг стало камнем преткновения для самих православных христиан? Где искать корни сегодняшних противоречий: в вопросах церковного порядка и дисциплины или же в области вероучения? Ведь всё чаще в устах иерархов и богословов, говорящих о проблеме «первенства», звучит непривычное и настораживающее слово «ересь».

Несмотря на заметные расхождения в официальных позициях разных Поместных Церквей,

Константинопольский Патриархат в одностороннем порядке предпринял ряд неканонических актов, в основу которых была положена тщательно сконструированная теория об особой роли и правах первенствующего престола. Хорошо видно, что движущей силой всех этих грубых действий была борьба за власть в Церкви. И осуществлены они были во имя «первенства», понимаемого во властном смысле. В ходе разработки оправдывающей эти действия теории «первенство» из не вполне прозрачной по своему содержанию почетной категории превратилось в право диктата, единоличного управления и безраздельного доминирования.

Трудно допустить, чтобы такое понимание «первенства» могло соответствовать традиционному церковному учению. Святейший Патриарх Кирилл уже не раз обращал внимание на это несоответствие. В январе 2019 года в ходе **встречи с делегациями Поместных Православных Церквей** Святейший Владыка **говорил** о необходимости дать ответ на вопрос «что означает первенство в Православной Церкви?» В прошлом году на **конференции, посвященной проблеме первенства и соборности**, Предстоятель Русской Церкви вновь **подчеркнул** «необходимость соотнести то понимание первенства и соборности, которое сегодня артикулируется Константинополем, с исконным пониманием, закрепленным в Предании Церкви». Следуя поставленным задачам, мы в нашем университете усилили работу над научным изучением темы «первенства», и я постараюсь кратко рассказать об основных его результатах.

При исследовании вопроса о «первенстве» мы исходили из четырех соображений. Первое состоит в том, что тексты Священного Писания не содержат ни учения о «первенстве», ни даже указаний на его необходимость в Церкви. Если бы было не так, вопросы о том, зачем нужно «первенство» и учение о нем, кому оно принадлежит и в чем заключается, не были бы предметом споров и разногласий, но решались бы в свете воли Божией, данной Церкви в Откровении.

Второе соображение касается отсутствия понятия «первенства» в совокупном корпусе канонических текстов: само это слово ни разу не встречается в соборных канонах и правилах Святых отцов. Учитывая, что правовые нормы формулировались ради пресечения возможных спорных ситуаций, отсутствие канонов, регулирующих столь важный вопрос, как функционирование института «первенства», не может быть случайным.

Третье исходное положение фиксирует последовательную критику самой идеи «первенства» и любых устремлений к нему в Евангелии и в святоотеческой письменности.

Наконец, последнее соображение учитывает полное отсутствие споров о «первенстве» в истории Церкви первого тысячелетия. Во всех известных конфликтах разногласия между епископами возникали вовсе не о «первенстве», а о границах церковной власти и юрисдикции. Но главное, такие конфликты были вызваны изменением не церковной, а политической ситуации в регионе

вследствие решений высшей имперской власти или действия иных внешних факторов. Политические реформы спровоцировали и самое масштабное соперничество между предстоятелями Рима и Константинополя, но и оно велось не за «первенство», – поскольку почетное «первенство» города Рима и его предстоятеля долгое время никто не оспаривал, – борьба шла с папскими притязаниями на исключительную власть, ставившую Церковь новой столицы византийской империи в подчиненное положение.

Перечисленные исходные тезисы можно объяснить несколькими причинами. Первое: постановка вопроса о «первенстве» могла считаться сомнительной с точки зрения христианской этики. Второе: проблема «первенства», скорее всего, была навязана Церкви извне. И, наконец, третье: такими же внешними факторами должны были определяться критерии обладания «первенством», а также содержание и функции этого статуса.

Данные предположения подтверждаются фактом существования развитого института «первенства» за рамками Церкви. Долгое время не принималось во внимание то, что институты «первенства» с древнейших времен, хронологически предшествовавших возникновению Христианства, пронизывали всё античное общество. Особое распространение система «первенств» получила в первые века нашей эры – эпоху становления церковной структуры.

Анализ употребления понятия «первенства» на протяжении античного периода показывает, что это слово представляло собой устойчивый термин греческой соревновательной культуры. Главным образом, оно использовалось для обозначения победы в любых видах состязаний. Поэтому первенство всегда нужно было приобретать, захватывать в ходе борьбы, а завоевав однажды, постоянно отстаивать от посягательств со стороны конкурентов. Тем самым, природа стремлений к «первенству» укоренена в человеческом честолюбии, а присуждается «первенство» людским судом или одобрением вышестоящей власти. Нетрудно понять, почему христианские авторы сопротивлялись проникновению такой соревновательной и движимой тщеславием риторики в жизнь церковных общин.

Ярким примером борьбы за «первенство» была конкуренция греческих полисов. Региональное деление в исконно греческих землях строилось вокруг союзов городов, в которых выделялись «первые города», служившие местом проведения областных съездов. Сопоставимые по своему влиянию города конкурировали за «первенство», что уже в римский период побуждало сенат и лично императоров вмешиваться в эту борьбу и определять, какому городу будет принадлежать этот престижный статус. Постепенно применение принципа регионального «первенства» было упорядочено на всей территории Римской империи, причем первенствующее положение оказалось закрепленным за городами-столицами провинций, называвшимися на Востоке «митрополиями», а на Западе – «главами провинций».

На муниципальном уровне слова «первенство» и «первенствующий» и вовсе приобрели терминологическое значение, поскольку с их помощью описывалась особая прослойка местной знати. Уже древнегреческие авторы именовали наиболее заслуженных и прославленных граждан, а также общественных благодетелей «первыми» или «первенствующими». С такими «первыми лицами» в городах мы встречаемся повсеместно, в том числе в христианских источниках.

Личное первенство не ограничивалось только локальным уровнем. «Первые» существовали и на уровне союзов-провинций. Ключевым объединяющим фактором межполисных союзов были сначала местные религиозные культы, а позже всеобщий императорский культ. Наиболее богатые и знатные граждане входящих в союзы городов воспринимали на себя служение провинциальных жрецов. Такие жрецы именовались «архиереями» и выступали в роли религиозных и административных лидеров межполисных объединений. Среди них также выделялась первенствующая фигура. Таким образом, полнота «первенства» в языческой греко-римской культуре состояла в принятии архиерейства и главенства в союзах. Первенствующие архиереи заседали в городах-митрополиях и повсеместно именовались «первыми в эпархии» или «первыми в этносе».

Последнее сочетание – «первый в этносе» – невольно приводит на память известный христианский источник того же времени, а именно 34-е апостольское правило, в котором епископам «каждого этноса» предписывалось знать «первого» среди них. Слово «первый» употреблялось здесь в своем терминологическом значении, в качестве указания на главенствующую региональную фигуру, каковыми были христианские епископы «первых городов».

Если попытка опереться в описании церковной структуры на общеимперскую административную модель получила дальнейшее развитие в каноническом праве, то введение в церковный язык понятия «первого епископа», напротив, не удержалось на христианском Востоке. Уже в 341 году собор в Антиохии принимает 9-е правило, построенное в виде развернутого толкования на 34-й апостольский канон. Точно воспроизводя структуру апостольского правила, отцы Антиохийского собора заместили всю присутствующую в нем непривычную терминологию, и что особенно важно, они отказались от образа «первого епископа». Очевидные для того времени параллели с «первенством» языческих архиереев императорского культа были сочтены неудачными: «первого епископа» заменили в тексте на «епископа, предстоящего в митрополии». Тем самым на христианском Востоке вопрос применимости категории «первого» к описанию отношений между христианскими архиереями был закрыт уже к середине IV века. С тех пор понятие «первенства» больше никогда не появится в общепризнанных канонических текстах первого тысячелетия. На Востоке понятие «первого» осталось зарезервированным в основном для политического

употребления.

На христианском Западе, напротив, не только удержалось понятие «первого епископа» (примаса), но получило развитие и целое учение о «примате» в Церкви. В западной части империи долгое время бытовал искаженный текст 6-го правила Первого Вселенского собора с добавлением слов: «Римская Церковь всегда имела первенство». Заявление, что не город Рим, не лично римский епископ, а именно Церковь Рима обладала «первенством», звучало непривычно даже в те времена и означало перевод проблематики «первенства» из общепринятого внехристианского контекста городских и личных преимуществ в область трансцендентного.

Именно на Западе стали развиваться многоуровневые модели «первенства», венчаемые абсолютным «первенством» Римского престола. Именно там продвигались идеи ранжирования и неравенства церковных общин, а также представления об особых властных полномочиях «первой кафедры» в масштабах всей Церкви. Конструирование соответствующей теории велось на протяжении полутора тысяч лет, за время которых понятие «первенства» все более насыщалось совершенно несвойственным ему властным содержанием.

В XVI веке крупный идеолог папского примата кардинал Беллармин замечал, что «даже [наши] противники соглашаются в том, что двумя этими словами "главенство" и "первенство" обозначается высшая власть в Церкви». Такая интерпретация категории «первенства» являлась откровенным насилием над ее исходным смыслом, поскольку это слово почти никогда не употреблялось во властных значениях, но описывало неиерархические, то есть лишенные субординации отношения между равными лицами или объектами. Итогом этого печального пути стало принятие Первым Ватиканским собором догматической конституции «Pastor aeternus» («Вечный пастырь») с провозглашением анафемы всем, кто не разделяет католического понимания властного примата Римских понтификов.

Многовековая полемика с папскими притязаниями наложила заметный отпечаток и на православное богословие. Православным авторам приходилось постоянно реагировать на попытки спекуляций вокруг темы «первенства», давать свою интерпретацию этого термина и производить обратные концепции. Именно этим путем в церковный лексикон вошли известные формулы, которыми православное богословие оперирует до сих пор: «первенство чести» и «первый среди равных».

Для понимания современного состояния проблемы большое значение приобретает дальнейшая судьба именно политического, а не производного от него церковного «первенства». Политическое первенство удается проследить на протяжении всего средневекового периода. В Новое время мы наблюдаем постепенное угасание фиксированных горизонтальных структур. А в Новейшее время

восходящие к античной политической традиции отношения «первенства» уже почти нигде не встречаются. Вслед за их исчезновением в большинстве современных языков потеряло соответствующую терминологическую нагрузку и само понятие «первенства». Его особые значения удержались разве что в области спорта или в виде устаревших сочетаний наподобие «первой леди», «первого ученика в классе» или «первого секретаря». В богословском употреблении мы тоже перестали понимать, что изначально выражало слово «первенство» и для чего использовалось. Утратив свой исконный смысл, понятие «первенства» давно стало пустой формой, которую сейчас произвольно наполняют разным содержанием.

Встречаются попытки выяснить значение понятия «первенство» и договориться о способе и границах его применения. Но злоупотребления и манипуляции этим понятием открывают перспективу более решительного ответного действия, а именно признания дискурса о «первенстве» всего лишь локальной и исторически обусловленной моделью описания церковных отношений. При таком подходе может быть поставлен вопрос либо о полном от него отказе, либо об ограничении исключительно символическим содержанием.

Православная экклезиология обладает достаточными терминологическими средствами для описания отношений иерархии и равенства в Церкви, например, понятиями «предстоятельства» и «старейшинства». Как в древности, так и сейчас вполне можно обойтись без употребления внешних и нагруженных нецерковными смыслами категорий. Выведение термина «первенства» за рамки экклезиологического дискурса не только будет означать возвращение к его исконным, традиционным основаниям, но и сможет послужить преодолению части накопившихся проблем в отношениях между Поместными Православными Церквами, которые вызваны разным пониманием этой пререкаемой категории.

Источник: https://mospat.ru/ru/articles/89850/